

УДК 811.133.1+811.512.145

**РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА
(на материале французского и татарского языков)**

М.Н. Закамулина, Г.Ф. Лутфуллина

Аннотация

В статье рассматриваются возможности выражения глагольной референциальной точки формой плюсквамперфекта на базе концепции о темпоральной автономности/неавтономности временных форм как показателе их зависимости от неглагольных маркеров. Доказывается, что плюсквамперфект не может выражать глагольную референциальную точку, так как соотнесённость с другой antecedентной ситуацией является условием его употребления.

Ключевые слова: временная референция, темпоральный контекст, глагольная референциальная точка, неглагольная темпоральность.

В основе понятия референции (от англ. *reference* ‘ссылка, соотношение’) лежит процесс соотнесения единиц речи с внеязыковой действительностью, а также результат такого соотнесения. Референциальная проблематика имеет древнюю историю. Её истоки можно обнаружить в древнекитайской философии минцзя («школа имён»), в немецкой лингвистической концепции «слова и вещи» и т. д. Своё классическое воплощение она получила лишь в XIX – XX вв. сначала в логико-философских работах Дж.С. Милля, Б. Рассела, Г. Фреге, Р. Карнапа, а затем в более поздних логических и лингвистических работах С. Крипке, У. Куайна, Л. Линского, Б. Парти, Дж. Сёрла, П. Стросона, А. Тарского, Я. Хинтикки и других. В развитие лингвистической теории референции в 70–90-х годах XX в. большой вклад внесли работы российских лингвистов Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, Т.В. Бульгиной и А.Д. Шмелёва.

Проблемы референции в зарубежном и отечественном языкознании связаны с исследованиями референциального статуса имён и именных групп. Проблеме именной референции посвящено большое количество специальных работ таких крупных исследователей данной проблемы, как Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, В.В. Петров, А.Д. Шмелёв, и других. Сложилась известная традиция толкования референциального статуса именных групп и определились основные концепции, в поддержку которых лингвисты высказываются в своих работах.

Изучение языковых явлений обычно начинают на базе имени, что объясняется относительной прозрачностью процесса именования. Но понятия «референция», «денотат» и «референт» распространяются и на другие языковые единицы, и речь должна идти прежде всего о референции высказывания в целом.

Само понятие «высказывание» связано с теорией референции. Оно противопоставлено понятию «предложение» точно так же, как и понятие актуализированного имени противопоставлено просто имени (или имени в языке). Предложение и имя относятся к единицам языка, а высказывание и актуализированное имя – к единицам речи. Как и другие знаки, предложение характеризуется определёнными отношениями с миром, действительным или воображаемым, которые принято называть «отношениями референции» (или денотации).

Проблемы временной референции в отечественном языкознании начали разрабатываться лишь в начале 90-х годов XX в. М.Ю. Рябовой на материале английского языка, а также нами на материале французского и татарского языков. Глагол, представляя в процессе денотации более сложный ситуативный комплекс, требует иных, часто интерпретационных методов. Временная картина мира, как и пространственная, может репрезентироваться языком с помощью трёх способов: денотации, номинации и дейксиса, что свидетельствует о реализации языком функции концептуализации внеязыковой действительности. Временная референция как компонент онтологической референции высказывания в целом реализуется временными формами глаголов и неглагольными темпоральными средствами.

В отечественной и зарубежной лингвистике референциальные значения предшествования, следования или одновременности (симультанности) глагольной синтагмы традиционно определяются относительно нонкальной точки (от лат. *nunc*), трактуемой как момент речи (= «сейчас»), или тонкальной точки (от лат. *tunc*), определяемой как момент «тогда» (в плане прошлого или будущего). Настоящая статья написана в русле проводимого нами сопоставительного исследования на материале французского и татарского языков по выявлению потенциала временных форм в реализации вышеназванных референциальных значений.

В рамках настоящей статьи предметом сопоставительного исследования выступают конкретные временные формы – *Plus-que-Parfait* (плюсквамперфект) и *Kүпгән үткән заман* (давнопрошедшее). Целью статьи является определение референциального потенциала плюсквамперфектных форм. В качестве материала исследования послужили примеры из сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (I, II) и из романа А. Дюма «Три мушкетёра» (IV, V). Выбор эмпирического материала обусловлен желанием цитировать только опубликованные авторские (официальные) переводы на трёх языках, но, к сожалению, произведения татарских писателей, переведённые на французский язык, отсутствуют. Стремлением к наглядности объясняется использование примеров из популярных произведений художественной литературы.

Возможности выражения глагольной референциальной точки формой плюсквамперфекта нельзя рассматривать без обращения к концепции соотношения неглагольной и глагольной темпоральности в повествовательном контексте, без учёта нулевой референциальной точки момента речи. Здесь уместно уточнить выдвинутые в наших ранних работах понятия первичной и вторичной темпоральной локализации (см. [1]). Первичная темпоральная локализация реализуется временными формами на подсознательном уровне, согласно требованиям языковой грамматической анкеты любой глагол в высказывании употребляется

преимущественно в финитной форме. Вторичная темпоральная локализация реализуется средствами неглагольной темпоральности на сознательном уровне.

Темпоральной автономностью (термин Ж. Клебера) во французском языке обладают формы *Passé simple* (претерита) и *Passé composé* (перфекта), в татарском языке – формы Билгеле үткән заман (прошедшего категорического (определённого)) и Нәтижәле үткән заман (прошедшего результативного). Данные временные формы рассматриваются как неанафорические, то есть не требующие соотнесённости с другими действиями или антецедента для своей темпоральной локализации. Для этих временных форм достаточно темпорального неглагольного маркера: *Hier il a plu* / **Кичә** янгыр яуды / **Вчера** шёл дождь [2]. Их отличительной чертой является то, что они имплицитно интерпретируют интервал реализации процесса благодаря количественному темпорально-аспектуальному значению ограниченной длительности, то есть наличие временных границ обеспечивает временную перфективность. Референциальной точкой тогда следует рассматривать интервал, а ситуация, следовательно, может быть его репрезентантом.

Для указанных временных форм неглагольная темпоральность является необязательной: *Marat faisait ses études à l'école. Il visitait ses amis. Il allait à la bibliothèque. (Un jour) il est entré à la bibliothèque et il a vu un grand atlas* / *Марат мөктәптә укый иде. Дуслары янына баргалый иде. Китапханәгә йөри иде. Ул (бер көнне) китапханәгә керде дә анда зур атлас күрде* / *Марат учился в школе. Посещал друзей. Ходил в библиотеку. (Как-то раз) он зашёл в библиотеку и увидел большой атлас.* Референциальная точка имплицитно представлена глагольной синтагмой и соответствует представляемой ею экстралингвистической ситуации, а именно интервалу реального объективного процесса.

Универсальный характер референтных вопросов позволяет нам экстраполировать французские теоретические подходы к анализу временных форм французского языка на соответствующие татарские временные формы с параллельным переводом и соответствующими комментариями [2, 3]. Положения о возможности выражения референциальной точки данными глагольными формами были подвергнуты проверке посредством анализа фактологического материала в [1].

Временные формы *Plus-que-parfait* и Күптән үткән заман имеют общее парадигматическое значение предшествования другому прошедшему действию, то есть являются формами тонкального предшествования. «Главным значением Тәмамланган (күптән) үткән заман признаётся обозначение действия, предшествовавшего другому. Данная форма является показателем завершённости» [4, б. 78]. Эту точку зрения разделяет большинство современных лингвистов (см. [5, 6]). «Категория соотнесённости (таксиса) выражает порядковые отношения между действиями и включает три субкатегории: одновременность, предшествование и следование» [7, с. 349–350]. В.Г. Гак рассматривает *Plus-que-parfait* как форму относительного времени, выделяя значение завершённости как обязательное [7, с. 351].

Большой интерес представляет работа Ж. Бре, посвящённая изучению плюсквамперфекта в аспекте репрезентации категории временного порядка [8]. Ж. Бре выступает против определения значений временных форм исходя из их контекстных реализаций, против рассмотрения контекстных реализаций как

составляющих элементов значения, против выявления жёсткого соответствия между контекстом и временной формой. Он утверждает, что плюсквамперфект несёт лишь информацию (инструкции) о соотносённости с определённой временной вехой и о видовых особенностях.

Ж. Бре рассматривает три вида взаимодействия формы с контекстом: *согласовательное* (concordante), *предрасположенное к несогласованию* (tendanciellement discordante), *фронтально несогласованное* (frontalement discordante). Он отмечает: «Плюсквамперфект выражает процесс в его протяжённости в плане прошлого, таким образом, он представляет его завершённым в определённый момент прошлого, который я называю tunc» [8, p. 141]. Временные формы, по его мнению, представляют процесс определённым образом для того, чтобы они смогли взаимодействовать с тем или иным видом временного порядка, участвовать в его создании. Ж. Бре отмечает у плюсквамперфекта возможности к выражению одновременности и логического объяснения (élaboration) в аспекте аналепсы (analepse), типичные для других временных форм. Весь анализ данной формы проводится им в аспекте выражения регрессии.

Специфика плюсквамперфекта заключается в том, что обозначенный процесс представляется внешне завершённым по отношению к последующему. Ж. Бре утверждает, что «плюсквамперфект имеет доминирующую преференцию к выражению регрессии, о чём свидетельствуют статистические данные – до 95% случаев его реализации во французском языке, единая точка зрения всех лингвистов» [8, p. 143]. В доказательство он приводит мнения ведущих учёных. Дамурет и Пишон описывают плюсквамперфект как выражающий тонкальное предшествование [9], Вейнрих считает его ядерным значением ретроспективность [10], Камп и Рорер характеризуют его как «вводящий новое событие в прошлом до референциальной точки» [11, p. 252]. Мёшлер отмечает, что «плюсквамперфект указывает на инференцию к прошлому в независимости от контекстных составляющих» (речь идёт о реализации временными формами слабого инференциального значения) [12, p. 58].

Обратимся к примеру Ж. Бре: *il remarqua qu'elle avait pleuré / Он заметил, что она плакала*. Разбирая возможные временные отношения между процессами *плакать* и *заметить* – включённость (*заметить* включает процесс *плакать*), регрессию (*заметить* после процесса *плакать*), прогрессию (*заметить*, что собирается *плакать*), – Бре приходит к выводу, что если контекст требует выражения регрессии, то данному требованию наиболее полно соответствует аспектуальное значение плюсквамперфекта. Следовательно, с темпоральной точки зрения это форма прошлого временного плана, с аспектуальной точки зрения эта форма представляет процесс *плакать* как **завершённый до тонкальной референциальной точки**, выраженной процессом *заметить*. Значение формы согласуется с требованиями контекста в выражении регрессии.

Однако процесс, представленный завершённым на определённый момент tunc, может быть исчерпанным в достижении внутреннего предела. Значение формы **не может** указывать на временной порядок предшествования, и только инструкция его употребления (информация) может **подтверждать** этот заданный контекстом временной порядок. Нельзя определять значение формы плюсквамперфекта в аспекте регрессии как предшествования. В доказательство

своей точки зрения Ж. Бре приводит анализ примеров на выражение прогрессии формой плюсквамперфекта в аспекте *аналепсы* – стилистического приёма возвращения к предшествующим рассказу событиям (используются также термины *flesh-back* или *дихронология*).

Ядерное значение качественной темпоральности – тонкая завершённость – определяет локализацию ситуации до временного ориентира в прошлом. Количественное темпоральное значение длительности ограничено на оси времени тонкой точкой в прошлом и включает в себя количественные темпорально-аспектуальные значения ограниченной и неограниченной длительности. Плюсквамперфект не входит в оппозицию *точечные/линейные временные формы* [13].

В обоих языках временные формы плюсквамперфекта (Plus-que-parfait и Күптән үткән заман) являются анафорическими, или темпорально неавтономными. Для темпоральной локализации плюсквамперфекта недостаточно только средств глагольной или неглагольной темпоральности, он нуждается в обязательном соотношении с антецедентом – другой ситуацией. Причина неспособности плюсквамперфекта к глагольному выражению референциальной точки объясняется следующим. Во французском и татарском языках у временных форм Plus-que-parfait и Күптән үткән заман при наличии значения временной перфективности обязательность соотношения с другим действием вытекает из их системного значения предшествования, то есть наличие антецедентной ситуации является обязательным условием употребления плюсквамперфекта.

Типичные случаи употребления Plus-que-parfait и Күптән үткән заман нами были выявлены по аналогии с типизацией случаев употребления в английском языке временной формы Past Perfect (перфекта прошедшего времени):

1) *Hier à trois heures nous avons passé nos examens / Кичә сәгать өчтә без экзаменнарны биргән идек / Вчера к трём часам мы уже сдали экзамены* (мы не утверждаем правомерность существования такого выражения, однако вразрез с утверждением Ж. Клебера о невозможности только неглагольной темпоральной локализации плюсквамперфекта оно приводится как теоретически возможное);

2) *Ils étaient tombés malades et ils ne sont pas venus nous voir / Без аларга барып кайттык ченки алар авырган иде / Они заболели, и мы приехали их навестить* (типичный случай анафорического употребления плюсквамперфекта с глагольным антецедентом). В татарском языке с обязательной финальной позицией предиката невозможно равнозначное выражение двух ситуаций, одна из которых предшествует другой, в рамках одного высказывания. Семантическая нагрузка в выражении референциальной точки падает на герундиальный оборот: *Алар чирлэгәнне белгәч, без аларга барып кайттык / Узнав об их болезни, мы приехали их навестить*.

У темпорально неавтономных временных форм отсутствует возможность глагольного выражения референциальной точки, а неглагольная референциальная точка нуждается в точечных временных локализаторах для своего выражения. Данные временные формы соотносятся с линией времени, выражаемой неглагольными темпоральными маркерами, опосредованно – через антецедентный процесс. Антецедентная ситуация выражается временной формой, несущей

значение лимитированного интервала процесса, и напрямую связана с линией времени. Данная ситуация выступает посредником между осью времени и другим процессом, выраженным плюсквамперфектом, для которого значение соотнесённости является неотъемлемым (ингерентным). Л. Госслен указывает на доминантность значения antecedentной ситуации [3]. Значение первичной темпоральной локализации, то есть интервала процесса как референциального, выраженного временной формой, является определяющим по отношению к неглагольной референциальной точке.

Этот вывод о доминировании глагольного выражения референции над неглагольным представляется нам универсальным и, следовательно, релевантным для сопоставляемых языков. Значение неглагольного темпорального маркера становится второстепенным из-за несовпадения задаваемого им интервала времени с определяемым значением временной формы интервалом референциального процесса. Для обеспечения референциального значения форм плюсквамперфекта необходимы: 1) неглагольный темпоральный маркер; 2) antecedentная ситуация, выраженная другой глагольной формой или герундиальным оборотом со значением интервала процесса.

В настоящей статье рассматриваются примеры, демонстрирующие отсутствие референциального статуса синтагм во временных формах плюсквамперфекта:

(1) *J'avais ainsi appris une seconde chose très importante: c'est que sa planète d'origine était à peine plus grande qu'une maison!* (I, p. 13) / *Шулай итеп, мин тагын бер зур ачыш ясаган идем: ул яшэгән планета бары тик йорт зурлыгында гына икән* (II, б. 14) / *Так я сделал ещё одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!* (III, с. 10).

Темпоральный контекст образуют две синтагмы, которые не могут выражать референциальную точку. Во французском варианте временная форма Plus-que-parfait синтагмы *avais appris* 'узнал' (как и (*ачыш*) *ясаган идем* в татарском) предполагает тонкальное предшествование, а синтагма *était grande* 'была большой (величиной с...)' (ср. *зурлыгында икән*) в форме Imparfait (имперфекта) имеет вневременное значение. Референциальная точка может быть ментально реконструирована и интерпретирована в нарративной проекции как воображаемый момент речи повествования, эквивалентный моменту *alors* («тогда») благодаря наличию действительного личного местоимения 1-го лица.

В каждой главе «Маленького принца» описываются определённые события, темпорально локализованные как один день. Следовательно, события каждой главы предшествуют событиям последующей. Анализируемое предложение является первым предложением новой главы и суммирует описание событий предыдущей главы. Plus-que-parfait – это традиционная форма тонкального предшествования, в татарском языке ей соответствует Күштән үткән заман. Синтагма *avais appris* / (*ачыш*) *ясаган идем* локализует исходно-опорный момент «осведомления» автора – участника событий во временном интервале предыдущей главы, что подчёркивается наречием *ainsi* 'так (= таким образом)'. Синтагма в форме Imparfait *était grande* (*зурлыгында икән*) несёт значение тонкальной симультантности относительно достаточно обширного интервала в прошлом, так как обладает характеризующим значением. В татарском языке

значение синтагмы *зурлыгында икән* представлено временной формой Дөвамлы үткән заман (прошедшего продолженного (длительного, незаконченного)).

(2) *Mais elle s'était interrompue. Elle était venue sous forme de graine. Elle n'avait rien pu connaître des autres mondes. Humiliée de s'être laissé surprendre à préparer un mensonge aussi naïf, elle avait toussé deux ou trois fois, pour mettre le petit prince dans son tort: "Ce paravent?.."* (I, p. 30) / Чөчөк сүзөн **әйтеп бетерми**. Монда килгәндә **орлык** кына **иде** бит әле ул. Башка дөньялар турында **каян белсен**, ди, **инде**... Нигә дип шулай алдашырга! Сьлукайның үзенә дә уңайсыз булып китә, ахрысы. Ул, Нәни принццы оялтырга уйлап, бер-ике тапкыр **йөткергәләп куя** да: – Чаршау кайда соң, – дип сорый (II, б. 32) / Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё зёрнышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом **кашлянула** раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват: – Где же ширма? (III, с. 46).

Темпоральный контекст представляет собой блок синтагм *s'était interrompue, était venue, avait pu connaître, avait toussé* во временной форме Plus-que-parfait, объединённых значением тонкального предшествования моменту речи – моменту диалога. Единство временной формы указывает на однозначность темпорального значения синтагм. Однако восстановление хронологической последовательности позволяет дифференцировать дистантность их значений тонкального предшествования. Большую отдаленность от момента речи обозначают синтагмы *était venue* 'прибыла', *n'avait rien pu connaître* (ср. **каян белсен инде**) 'не могла знать', ближайшее тонкальное предшествование моменту диалога выражают предваряющие его синтагмы *s'était interrompue* 'прервала свою речь', *avait toussé* 'кашлянула' и герундиальный оборот *humiliée de s'être laissé surprendre* 'смутившись от своего разоблачения'.

В татарском варианте дифференциация значений тонкального предшествования отражается в употреблении различных временных форм. Темпоральный контекст воспринимается иначе, так как предикат в Дөвамлы үткән заман **орлык иде** 'была зёрнышком' выражает значение тонкальной симультанности референциальной точке, представленной временным локализатором *монда килгәндә* 'по прибытии сюда'. Остальные глагольные синтагмы выступают, как и во французском языке, в одной временной форме, но это форма настоящего повествовательного (**әйтеп бетерми** 'не договаривает', **йөткергәләп куя** 'покашливает', **алдашырга** 'обманывать', **уңайсыз булып китә** 'смущается'), использованная в целях придания стилистического эффекта присутствия при разговоре с сохранением значения тонкального предшествования моменту речи.

Приведём примеры из романа «Три мушкетёра».

(3) *Il allait voir en réalité certain bahut dont vingt fois il avait vu l'image dans ses rêves; bahut de forme longue et profonde, cadéassé, verrouillé, scellé au sol; bahut dont il avait si souvent entendu parler* (IV, т. 1, с. 107) / **Ничәмә-ничә тапкыр төшләрәндә күргән серле сандыкны менә хәзер ул өнендә, үз күзе белән күрер** – озындыр, тирәндер ул сандык, идәнгә бергеп, күгәрәп беркәндер, аны ат башы чаклы йозак белән бикләп **куйганнардыр** (V, б. 312) / Ему предстояло наяву увидеть тот заветный сундук, который он двадцать раз

представлял себе в грёзах, длинный и глубокий сундук, запёртый висячим замком, заржавленный, приросший к полу, сундук, о котором он столько **слышал** (VI, с. 334).

Темпоральный контекст описывает состояние героя перед встречей. Синтагма *allait voir / күрер* ‘увидит’ в форме Futur Immédiat dans le Passé (непосредственного будущего в прошлом) / Билгесез киләчәк заман (будущего неопределённого) имеет значение тонкального следования относительно ментально реконструированной референциальной точки ожидания, предвкушения встречи. Синтагма *avait entendu parler* ‘слышал разговоры’ в форме Plus-que-parfait традиционно репрезентирует значение тонкального предшествования. В татарском варианте данный момент опущен, а состояние предшествования передаётся синтагмой *бикләп куйганнардыр* ‘наверное, заперли’ в форме Нәтижәле үткән заман.

(4) *Les deux mousquetaires étaient déjà arrivés et pelotaient ensemble. Athos, qui était très fort à tous les exercices du corps, passa avec d'Artagnan du côté opposé, et leur fit défi* (IV, т. 1, с. 88) / *Портос белән Арамис сөйләшәнгән жиргә инде килгәннәр, туп чәеп уйнап маташалар иде. Барлык физик күнекмәләрдә зур житезлеге белән аерылып торган Атос д'Артаньян белән икәү мәйданчыкның икенче ягына барып басты да тегеләргә көч сынашырга тәкъдим итте* (V, б. 61) / *Портос и Арамис были уже на месте и перекидывались для забавы мячом. Атос, отличавшийся большой ловкостью во всех физических упражнениях, встал с д'Артаньяном по другую сторону площадки и предложил сразиться* (VI, с. 66).

Темпоральный контекст представляет собой полипредикативный комплекс с двумя синтагмами в форме Passé simple / Билгеле үткән заман, способными выражать тонкальную референциальную точку (*passa / барып басты* ‘прошёл (встал)’, *fit défi / тәкъдим итте* ‘предложил сразиться’) и связанными отношениями взаимного следования-предшествования. Относительно референциальной точки, выраженной одной из названных форм, синтагма в форме Imparfait / Дәвамлы үткән заман *pelotaient / уйнап маташалар иде* ‘перекидывались для забавы мячом’ имеет значение тонкальной симультанности, а синтагма *étaient arrivés / килгәннәр* ‘пришли (были уже на месте)’ в форме Plus-que-parfait и Нәтижәле үткән заман реализует традиционное значение тонкального предшествования. На неглагольном уровне значение предшествования репрезентировано нейтральным наречием *déjà* ‘уже’, которому в татарском варианте соответствует частица *инде*.

Таким образом, изоморфизм двух языков заключается в том, что временные формы Plus-que-parfait и Күптән үткән заман не могут выражать глагольную референциальную точку, так как соотносённость с другой антецедентной ситуацией является условием их употребления.

Summary

M.N. Zakamulina, G.F. Lutfullina. Referential Potential of the Pluperfect Tense (By the Example of the French and Tatar Languages).

The article studies the possibility to express a verbal referential point using pluperfect based on the concept of temporal independence/non-independence of tense forms as an indicator

of their dependence on non-verbal markers. It is proved that pluperfect cannot express a verbal referential point since correlation with other antecedent situation conditions its use.

Keywords: time reference, temporal context, verbal referential point, non-verbal temporality.

Источники

- I – *Saint-Exupéry A. Le petit prince.* – М.: Икар, 2002. – 90 p.
- II – *Сент-Экзюпери А. Нэни принц / Р. Валиев тәржемәсе.* – Казан: Мәгариф, 2000. – 96 б.
- III – *Сент-Экзюпери А. Маленький принц / пер. Н. Галь.* – СПб.: Азбука, 2001. – 176 с.
- IV – *Dumas A. Les Trois Mousquetaires: в 2 т.* – М.: Прогресс, 1974. – Т. 1. – 470 с.; Т. 2. – 445 с.
- V – *Дюма А. Өч мушкетёр / Я. Халитов тәржемәсе.* – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 592 б.
- VI – *Дюма А. Три мушкетёра / Пер. с фр. В.С. Вальдман, Д.Г. Лившиц и К.А. Ксаниной.* – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 640 с.

Литература

1. *Закамулина М.Н., Лутфуллина Г.Ф.* Темпоральный контекст как средство детерминации референциального статуса именной группы (на материале французского и татарского языков). – Казань: КГЭУ, 2009. – 155 с.
2. *Kleiber G. Entre les deux mon coeur balance ou L'imparfait entre aspect et anaphore // Langue française.* – 2003. – No 138. – P. 8–19.
3. *Gosselin L. La cohérence temporelle : contraintes linguistiques et pragmatico-référentielles // Travaux de Linguistique.* – 1999. – Т. 39. – P. 11–36.
4. *Харисова Ч.М.* Татар теле. Морфология. – Казан: Мәгариф, 2010. – 126 б.
5. *Хисамова В.Н.* Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 252 с.
6. *Хисамова Ф.М.* Татар теле морфологиясе. – Казан: Мәгариф, 2006. – 334 б.
7. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
8. *Bres J. Et plus si affinité... Des liaisons entre les instructions du plus-que-parfait et les relations d'ordre temporel // Information temporelle, procédures et ordre discursif (Cahiers Chronos 18).* – Amsterdam – N. Y.: Rodopi, 2007. – P. 140–150.
9. *Damourette J., Pichon E. Essai de grammaire de la langue française: Т. 1–7.* – Paris: D'Artrey, 1970. – Т. 5: Des mots à la pensée. – 240 p.
10. *Weinrich H. Le temps. Le récit et le commentaire.* – Paris: Seuil, 1973. – 133 p.
11. *Kamp H., Rohrer Ch. Tense in texts // Meaning, use and interpretation of language.* – Berlin: Gruyter, 1983. – P. 250–269.
12. *Moeschler J. Le Modèle des Inférences Directionnelles // Cahiers de linguistique française.* – Paris: Armand Colin, 2000. – 321 p.

13. *Закамулина М.Н.* Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст (сопоставительное исследование). – Казань: Тат. кн. изд-во, 2000. – 288 с.

Поступила в редакцию
15.10.12

Закамулина Миляуша Нурулловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *milaza@list.ru*

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *glutfullina@mail.ru*